

Война с крестьянством в России

К 100-летию начала Первого Русского Холокоста

При ярком свете Дня Победы 9 мая 1945 года в тени осталось другое 9 мая – трагический день в нашей истории. В этот день 100 лет назад, в 1918 году, за подписями Свердлова и Ленина был принят декрет ВЦИК и Совнаркома «О предоставлении Народному Комиссару Продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», сокращённо именуемый «Декретом о продразвёрстке» или «Декретом о продовольственной диктатуре».

Декрет стал официальным объявлением войны русскому крестьянству, объявлением Гражданской войны в России, началом Первого Русского Холокоста. Суть декрета в том, что крестьяне были обязаны **фактически бесплатно** сдавать государству излишки хлеба, причём объём «излишков» определяло само государство, спуская губерниям цифры хлебозаготовок. Продразвёрстка (государственная монополия на торговлю хлебом) была введена ещё в конце 1916 года Царским правительством и продолжена Временным правительством, но она обязывала крестьян **продавать** часть урожая по твёрдым ценам, а не отдавать бесплатно.

Поскольку крестьяне бесплатно отдавать хлеб отказывались, у них его отбирали силой – вначале с помощью комбедов (комитетов крестьянской бедноты, т.е. сельских люмпенов). Это был ловкий ход – натравить одну часть сельских жителей на других. Однако вскоре выяснилось, что комбеды не столько заготавливают хлеб, сколько грабят трудовых крестьян («деревенскую буржуазию»). Тогда в деревни были направлены вооружённые продотряды, преимущественно во главе с инородцами (во избежание излишнего сочувствия), которые где по разнарядкам, а где и по своей инициативе конфисковывали хлеб в таких количествах, что не только не оставляли семенного запаса, но зачастую и обрекали крестьян на голодную смерть – вот главная причина голода 1921 – 1923 годов, унёсшего более 5 млн. человек, а во все не урожай в Поволжье. Соккрытие хлеба каралось арестами, пытками, а то и расстрелами.

Как проходила продразвёрстка, показывает один из многих тысяч примеров: «...отряд с пулемётом арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж её был расстрелян» (из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов Пензенской губернии).

На насилие крестьяне ответили восстаниями, которые запольхали по всей подконтрольной большевикам России. Так, задолго до выступлений Деникина, Юденича и Колчака, большевики развязали гражданскую войну, о которой ещё в декабре 1917-го ближайший соратник Ленина Троцкий сказал: «Наша партия за Гражданскую войну! Гражданской войне нужен хлеб. Да здравствует Гражданская война!». Война стоила, по разным оценкам, от 13 до 19 млн. жертв, не считая миллионов беспризорных детей-сирот, многие из которых в будущем пополнили «армию» уголовников.

Адепты ленинизма всё продолжают утверждать, что большевистская продразвёрстка (она являлась составной частью военного коммунизма), была мерой вынужденной, поскольку: а) Украина стала независимым государством, в связи с чем РСФСР лишилась хлебных запасов, б) в стране началась разруха, промышленность остановилась, крестьянам нечего было покупать на деньги, вырученные от продажи хлеба, и посему они хлеб припрятавали, в) наконец, сами деньги стремительно обесценивались (инфляция достигала порой тысячи процентов в день), и посему для крестьян единственным эквивалентом денег был хлеб, который они никак не хотели продавать за «совзнаки».

Это объяснение – лукавство. Во-первых, сами большевики активно приложили руку к разложению Русской Армии, к «братанию» с немцами, к «миру без аннексий и контрибуций» и, следственно, к поражению России в Мировой войне, продвижению германской армии на восток и захвату ею Украины. Ещё до Октябрьского переворота они на всех углах кричали о «праве наций на самоопределение, вплоть до отделения», и винить в потере украинской продовольственной базы им следовало только самих себя.

Во-вторых, промышленность остановилась не сама по себе, её остановили большевики. Национализировав промышленность (включая даже мелкие мастерские), они в одночасье разрушили все производственные связи между предприятиями и отраслями, а главное – изгнали «буржуазные» руководящие кадры и заменили их большевистскими, которые вообще ничем управлять не умели.

В-третьих, следуя своим «учебникам», большевики полностью отменили частную торговлю, рассчитывая на государственный товарообмен между городом и деревней. Даже когда в городах начался голод, они вели беспощадную борьбу с крестьянами (их называли «мешочниками»), пытавшимися обменивать свои продукты на бытовые предметы горожан.

В-четвёртых, инфляцию устроили не крестьяне, а опять же большевики. Согласно всё тем же своим «учебникам», они вообще отменили деньги и временно (до установления прямого продуктообмена) ввели ничем не обеспеченные «совзнаки», которые печатали без ограничений и которые никакой ценности не имели.

В-пятых, крестьяне резко сократили посевы: зачем сеять, если придут красные и всё отберут?

Введение военного коммунизма (частью которого было также введение трудовой повинности и даже трудармий; об обобществлении жён и детей официально вопрос пока не ставили) было вовсе не вынужденной мерой. Этот коммунизм строго соответствовал догматам марксизма и планировался задолго до 1917 года. Это уже потом, как бы для оправдания, к нему добавили слово «военный». Вынужденной мерой, как раз, была его отмена («всерьёз и надолго, но не навсегда»), вынужденной потому лишь, что непрекращающиеся народные восстания – не только крестьянские, но и городские – поставили большевистскую власть на грань краха.

В 1921 г. Ленин, оправдывая введение НЭПа, писал: «Развёрстка была наиболее доступной для недостаточно организованного государства мерой, чтобы продержаться в неслыханно трудной войне против помещиков» (ПСС, т.44, с.7). Если учесть, что в начале мая 1918 г. не только «неслыханно трудной», но и вообще никакой войны против помещиков не было, единственная правда в этих словах – завуалированное признание неумения управлять государством.

Большевики отступили, но «не навсегда». НЭП для них явился только передышкой, а крестьянство по-прежнему было бельмом в глазу, поскольку в его руках находилась частная собственность (продукты его труда), а значит, оно всё равно оставалось «буржуазным», всё равно оставалось главным врагом марксистского коммунизма. С крупной русской буржуазией большевики расправились быстро (тех, кто не успел сбежать, расстреляли или посадили, притом к буржуйам-инородцам отнеслись весьма толерантно), потому борьба с «мелкобуржуазным» крестьянством оставалась одной из их главных задач. И они её возобновили в 1929 году, начав коллективизацию – Второй Русский Холокост

Была и ещё одна, не менее важная причина истребления крестьянства как сословия. Ленин и вся его «гвардия», включая и этнических русских, вроде Бухарина, были интернационалистами-руссофобами. В их планы входило создание Всемирной республики советов, без границ, а в будущем – и без национальных различий, или, говоря современным языком, – глобализация военно-революционными методами (польская авантюра 1920 года имела именно эти корни). Этим планам мешало национальное самосознание русского народа и, следова-

тельно, его надо было подавить. А поскольку самым массовым носителем национального самосознания было русское крестьянство, то денационализировать, загнав в коммуны и колхозы, нужно было в первую очередь его.

Все 70 лет своей власти, исключая лишь несколько лет НЭПа, компартия воевала с крестьянством, ни на шаг не отступив от «всесильного учения». Менялись только методы раскрестьянивания. Коллективизация превратила крестьян в крепостных. Колхозники были лишены паспортов, работали за палочки в журналах (трудодни), их приусадебные хозяйства были резко ограничены и облагались огромными налогами.

Через 25 – 30 лет начались небольшие послабления, однако хозяевами земли крестьяне так и не стали. Обкомы и райкомы продолжали диктовать колхозам что, сколько и когда сеять и строго спрашивали за отставания то в посевной, то в уборочной, то в вывозке навоза на поля. Колхозы преобразовывали в совхозы, совхозы – а агрогорода, «неперспективные» деревни ликвидировали – и всё это ради того, чтобы вытравить частнособственнический инстинкт. Догматизмом партийной идеологии умело пользовались и замаскированные русофобы, вроде главного теоретика ликвидации «неперспективных» деревень академика Заславской.

В итоге крестьянин от земли ушёл, но до города не дошёл, в итоге крестьянину стало на всё наплевать (пусть начальство думает!), в итоге крестьянин стал пить вдесятеро больше, чем при «проклятом царизме», в итоге страна впервые за свою историю с 1963 г. стала покупать зерно за границей.

И сегодня, хотя идеологические знамёна развеваются в противоположную сторону, продолжается истребление крестьянства, точнее, его остатков, только способы иные – ростовщические кредиты да баснословные цены на удобрения, технику и горючее.

Как известно, русские являются «самым непокорным народом в мире» (А.Даллес). И, как известно, крестьянство есть самая консервативная часть этого народа, а потому и наименее подверженная денационализации. Потому и уничтожается русское крестьянство как сословие, потому и зарастают бурьяном плодородные нивы, потому и завалили страну дешёвой импортной отравой.

Отбросим городскую спесь, снимем шапку перед Русским Крестьянином! И в Отечественную войну 1612 года, и в Отечественную войну 1812 года, и в Великую Отечественную войну спас Россию он. Устоит ли крестьянин в новой Отечественной войне...

Валерий Габрусенко